

ОТЗЫВ

доктора философских наук, приглашенного преподавателя факультета гуманитарных наук Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главного редактора журнала *Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography* (Leiden: Brill; brill.com/scri) Лурье Вадима Мироновича на автореферат диссертации Силиной Ольги Владимировны **«Принципы пространственной организации композиций и тематических циклов в росписи 1502 года собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря»**, представленной на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3 – Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

Диссертация Ольги Владимировны Силиной относится к области искусствоведения, но применяемые ею методы исследования привлекают внимание тех, кто занимается литургикой и агиографией, и поэтому я позволил себе отозваться на ее работу, имея в виду, прежде всего, историко-литургические и агиографические аспекты исследования. Казалось бы, изучение храмовой живописи невозможно без понимания того, что эта живопись структурирует пространство богослужения, т.е. без понимания паралитургического характера этой живописи, но, к сожалению, междисциплинарные барьеры в современной науке столь высоки, что искусствоведческие работы с полноценным учетом литургического материала встречаются нечасто. Диссертация О. В. Силиной является не просто одним из приятных исключений, но таким исследованием, где литургические параметры храмовой живописи становятся едва ли не главным направлением исследования. Здесь и ниже, говоря о литургических аспектах, мы будем иметь в виду также и агиографические, поскольку литургика и агиография встречаются в литургическом календаре, а именно церковный календарь оказывается одним из «главных героев» исследования О. В. Силиной. Сама идея зависимости иконографических программ от церковного календаря не является, разумеется, пионерской, и некоторые наблюдения в этом отношении уже были и раньше сделаны даже в отношении церкви Рождества Богородицы в Ферапонтово (применительно к циклу Акафиста). Тем не менее, систематическое исследование роли церковного календаря в программе фресковой живописи предпринимается впервые для данной церкви и, как мне кажется, достаточно ново для искусствоведения в целом.

Диссертант подходит к своей главной гипотезе — о зависимости расположения сюжетов фресок от церковного календаря — с разумной осторожностью. Во-первых, О. В. Силина не забывает, что, наряду с календарным, действовали и другие структурные принципы, как, например, тематический и даже просто эстетический; этим принципам она уделяет должное внимание в своем исследовании. Во-вторых, она в некоторых случаях смиренно признаёт, что никакие из известных ей принципов не объясняют расположение фресок в некоторых циклах (цикл чудес и притч Христовых). Диссертант и в последнем случае остается при своей гипотезе о полном детерминизме программы фресковой живописи в церкви Рождества Богородицы. Эта гипотеза может быть неверна, но это гипотеза не произвольная, а обоснованная аналогией с большинством фресковых циклов этой церкви.

Внимание к литургическим аспектам храмовой живописи позволило диссертанту сделать ряд наблюдений и выводов первостепенной важности, иногда и весьма неожиданных. Перечислю те, которые считаю наиболее важными (не имея компетенции для обсуждения чисто искусствоведческих находок — как, например, обнаружение «змия мытарств» на фреске Страшного суда).

Неожиданное (если не сказать шокирующее) наблюдение автора — содержание свитков у святителей, изображенных в алтарной апсиде. Мы ожидали бы у Иоанна Златоуста и Василия Великого слов из их анафор (т.е. слов тайных молитв евхаристического канона их литургий), а у остальных — каких-нибудь их известных или произвольных высказываний. Вместо этого оказывается, что святители держат свитки с начальными словами молитв от начала антифонов литургии до Великого входа (точнее, от молитвы второго антифона до второй молитвы верных). Пока что никакие параллели этому неизвестны, и конкретный смысл такого расположения святителей неясен.

При обсуждении выбора конкретных святителей для изображения внутри алтаря диссертант высказывает ряд соображений, которые можно слегка упростить. Иоанн Златоуст и Василий Великий обычно изображаются как авторы приписываемых им литургий, а Григорий Богослов попадает к ним вследствие установившегося в Константинополе в конце XI в. (при до сих пор не выясненных обстоятельствах, но очень прочно) культа «Трех Святителей». Изображение Кирилла и Афанасия Александрийских не надо обосновывать их сочинениями, т.к. во времена Дионисия было известно, что Кирилл — защитник Богородицы от «нечестивого Нестория», а Афанасий — его предшественник и учитель. Иаков почитался как первый епископ Иерусалима и автор первой литургии (о существовании литургии Иакова в славянском мире и на Руси помнили, а паломники могли в ней участвовать непосредственно в Иерусалиме и других местах христианского Востока). Что касается остальных епископов, то для появления их изображений, действительно, нужно искать отдельные объяснения.

Следующие важнейшие результаты исследования О. В. Силиной демонстрируют плодотворность примененного ею аналитического метода. Перечислю их в порядке важности, как он мне представляется.

Сильнейшее впечатление производит интерпретация образа Богородицы «Воплощение» над алтарем как элемента Чина о панагии. Доказательство с помощью прочитанной на фреске формулы «Пресвятая Богородице, помогай нам» нужно считать строгим.

Далее автор переходит к интерпретации изобразительного цикла находящихся на одной высоте по четырем сторонам храма изображений Богородицы Панагии и каждого из «трех святителей». Целостность цикла доказывается, в частности, аналогичным расположением изображений тех же святителей на панагиях-энколпиях той же эпохи. Автор отмечает, что памяти святителей идут в календарном порядке против движения солнца, т.е. в соответствии с тем, как положено обходить престол при всех литургически кодифицированных перемещениях внутри алтаря.

Тут можно добавить, что жесткий порядок в группе «трех святителей» — Василий Великий, потом Григорий Богослов, потом Иоанн Златоуст, но никак иначе — был заложен в самом культе этой группы. Дата ее празднования 30 января («Трех святителей»), как объясняется в синаксарной заметке праздника, была выбрана так, чтобы следовать вскоре после январских памятей всех трех святых. Тут заодно нужно сделать поправку к наблюдениям О. В. Силиной: дата памяти Златоуста, которая имеется в виду в данном случае, это не день его преставления 13 ноября, а 27 января — день перенесения мощей из Коман в Константинополь. Это, возможно, решит недоумение диссертанта: «...ранний день памяти св. Иоанна Златоуста, на самом деле, не объясняет его местоположение в ферापонтовском соборе именно в люнете западной арки: при смещении (мысленном повороте) цикла, но с сохранением календарной последовательности изображений его фигура могла находиться как на севере, так и на юге» (с. 184 диссертации). В цикле подразумевался не ранний день памяти, а самый поздний из трех.

Весьма удачно автор решает проблему нарушения хронологического порядка в цикле Вселенских соборов, который начинается с Третьего собора, а не с Первого. Наблюдения, связанные с памятями каждого из соборов в церковном календаре, разумеется, релевантны. Это особенно касается памяти Третьего собора 9 сентября, на следующий день после Рождества Богородицы. Тут можно даже несколько «спрямить» аргументацию автора, т.к. в поздней церковной рецепции (для нашего случая актуальна только она) смысл Третьего собора состоял исключительно в защите Богородицы и утверждении ее почитания. Богородичный смысл собора и дата памяти на первый день попразднства Рождества Богородицы создают вполне убедительное обоснование вынесения этого собора из общего ряда именно в данном храме.

Интерпретация ангелов при входе в храм как, своего рода, привратников при входе на (земное) небо, может быть усилена, если вспомнить о традиционной экзегезе Пс. 23: 7 (*Возмите, врата, князи ваша, и возмיתесь врата вечная: и увидет Царь Славы*), которая подразумевается и в службе праздника Вознесения Господня, где этот стих повторяется рефреном: эти слова понимаются как обращенные к ангелам, которые должны открыть (поднять) врата неба. Это доказывает, что врата неба не мыслятся без привратников-ангелов.

В работе много и более мелких удачных наблюдений. Например, интерпретация одного из элементов одной из сцен Рождества Богородицы как Храма, т.е. как указания на Введение Богородицы во Храм, — безусловно, правильное. Оно подтверждается текстом «Протоевангелия Иакова», где рассказывается и о Введении. (Попутно заметим, что вместо названия «Протоевангелие Иакова», данного европейскими учеными, это произведение теперь уже можно называть его подлинным названием — «Рождество Мариино», — которое сохранилось не только в эфиопском переводе, но и в греческом папирусе III в., найденном в 1940 г.).

Диссертантом намечено, хотя и не разработано еще одно важное направление исследований иконографической программы церкви — возможное влияние митрополита Киевского Спиридона, который жил в это время в Ферапонтовом монастыре (как говорит диссертант, «в ссылке», но это был, по сути, домашний арест). Автор учитывает почти все посвященные Спиридону исследования В. И. Ульяновского и, вслед за ним, пишет о грекофильстве митрополита (напр., с. 230 диссертации: «греческая церковь оставалась для него образцовым источником веры»). Но работы В. И. Ульяновского, несмотря на свой фундаментальный характер, почти не касаются собственно канонического положения Спиридона. В действительности речь шла не о вкусовых предпочтениях и не о большем или меньшем доверии к грекам или к русским, а о ситуации церковного раскола. С 1467 г. Московская церковь находилась под отлучением Константинопольского патриарха (соответствующая грамота была найдена и опубликована Я. Н. Шаповым только в 1976 г., так что дореволюционные ученые о ней не знали), и митрополит Спиридон прибыл в Москву с надеждой — вероятно, наивной, — преодолеть этот раскол, для чего требовался бы отказ Москвы от самопровозглашенной автокефалии и признание его в качестве митрополита Киевского внутри Константинопольского патриархата. Это соответствовало чаяниям той партии внутри Московской церкви, которая позднее будет названа «нестяжателями». Этот раскол будет продолжаться до 1561 г. и закончится назначением Московского митрополита Макария «экзархом» Константинопольского патриарха, т.е. отказом от автокефалии, которая будет возобновлена лишь при даровании патриаршества. Таким образом, ориентация на Константинополь в 1502 году имела существенное церковно-политическое значение, оценить которое еще предстоит.

Аргументацию автора можно усилить и в обосновании парности изображений Еноха и Мелхиседека (с. 202 и сл. диссертации). Для славянского мира главным источником по биографии Мелхиседека была Вторая книга Еноха (так наз. «славянский Енох», который с 2009 г. уже не совсем славянский, т.к. нашлись фрагменты этой книги на коптском языке).

К недостаткам исследования нужно отнести несистематичность использования современных знаний в области исторической литургики (удовлетвориться библиографией автора тут нельзя) и некоторыми историческими ошибками в области патристики. Например, пересказывая искусствоведческую литературу, автор упоминает «Откровения» (во множ. числе) Мефодия Патарского (приводя год его смерти как 312) (с. 94 диссертации). В действительности тут имеется в виду «Откровение» (одно) Псевдо-Мефодия Патарского — сирийский апокалипсис, написанный от имени Мефодия Патарского в 690-е гг. и вскоре переведенный на греческий, а потом еще не менее трех раз переводившийся с греческого на славянский; что касается исторического Мефодия Патарского, то точно неизвестно, в какие именно гонения он пострадал, поэтому год смерти может быть как 312, так и 320.

Как видно из приведенных примеров, недостатки не относятся к существу исследования, хотя их следовало бы исправить при переработке диссертации в монографию. Исследование заслуживает самой высокой оценки, и его скорейшее издание в виде монографии было бы крайне желательно.

Автореферат О.В. Силиной достаточно полно отражает содержание диссертации, а соискательница достойна присуждения ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3 – Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура).

Доктор философских наук, приглашенный преподаватель факультета гуманитарных наук Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала *Scrinium. Journal of Patrology and Critical Hagiography* (Leiden: Brill; brill.com/scri)

 Лурье Вадим Миронович

Дата « » октября 2024 г.

Контактные данные:

Факультет гуманитарных наук Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ

Адрес: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д.20

Тел: +74955310000

Эл. почта: hse@hse.ru

Веб-сайт: <https://www.hse.ru/>

4 Подпись заверяю

